

ОБ УЧЁТЕ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ
ОБУСЛОВЛЕННОСТИ ПРАГМАТИЧЕСКОГО ПЛАНА
ВЫСКАЗЫВАНИЯ ПРИ ВЫБОРЕ АДЕКВАТНОГО
ВАРИАНТА ПЕРЕВОДА

Н.С. Малова

Переводы реалий и фразеологизмов представляют собой не только лингвистический акт, но и явления культурологического плана, поскольку в процессе перевода происходит соприкосновение различных культур. Под термином „культура” обозначается широкий круг явлений этнографического, исторического, географического и т.п. характера (Комиссаров 1980: 112). Некоторые авторы включают в понятие „культура” и своеобразие языковой культуры мира (Weisgerber 1955: 71), другие особо подчёркивают необходимость учёта явлений „локальной культуры” для понимания значения языковых знаков (Nida 1945: 207).

Воздействие этого фактора нередко считается определяющим для всей переводческой деятельности: „В конечном итоге, мы переводим не ЯЗЫКИ, а КУЛЬТУРЫ” (Casagrande 1954: 338). В доказательство такого постулата приводятся, главным образом, факты семантической неравноценности одинаковых высказываний для представителей разных культур и цивилизаций. Например, сообщение о „потеплении международной обстановки” может быть понято в Индии как „обострение обстановки”, поскольку для жителей этой страны приятно не потепление, а охлаждение – a welcome cooling (Муравьёв 1971: 33).

Совокупность этнолингвистических и социоллингвистических фактов, несомненно, играет важную роль в переводе. Различия в этой области могут делать неэквивалентными единицы исходного языка и языка перевода, остальные компоненты содержания которых достаточно близки. Установление эквивалентности при переводе предполагает учёт подобных различий. Однако выделение важности такого учёта объясняется, скорее, требованиями, которые он предъявляет к познаниям переводчика, чем теоретической значимостью проблемы.

Можно определить „культуру” как „все те исторически создаваемые планы жизнепрживания, эксплицитные и

имплицитные, рациональные, иррациональные и нерациональные, которые существуют в каждый данный период времени как потенциальные ориентиры человеческого поведения. Свойства, элементы или, лучше сказать, модели культуры в этом определении организованы, или структурированы, в систему или множество систем, которые, будучи исторически создаваемой, является поэтому открытой и подверженной постоянному изменению” (Hoijer 1953: 554). Если навыки родной культуры подвергаются переносу при изучении чужой культуры, то очевидно, что через сопоставление двух культурных систем мы сможем предсказать, какие моменты составят затруднения. Может также оказаться, что форма в одной культуре идентифицируется носителями другой культуры как тождественная форме их культуры, но фактически имеет иное значение. Приведём следующий пример. В меню ресторана Интурист на английском языке блюдо под названием *Русский борщ* было переведено как “second-day cabbage soup”. Здесь затруднение возникает в силу того, что идентичные формы имеют разные значения в двух культурах. Иностранец воспринимает данное блюдо, как приготовленное в предыдущий день и которое сегодня стоит дешевле, причём основным ингредиентом данного блюда является капуста. Для русского совершенно очевидно, что борщ обладает более тонким вкусом на следующий день после его приготовления и капуста является основным компонентом.

Следует подчеркнуть, что при создании конечного текста необходимо руководствоваться при переводе прагматической установкой, связанной с расхождениями в восприятии одного и того же явления носителями разных культур, этнокультурным аспектом коммуникативной ситуации. Прежде всего это обусловлено отражением в тексте предметной ситуации – реалиями материальной и духовной культуры того или иного народа. Если какое-либо явление чужеродно для данной культуры, то чаще всего используется калькирование, как наиболее удобный способ перевода. Примеры тому весьма многочисленны: *perestrojka*, *glasnost*, *refuznik*, *collective farm*, *Old Believer*, *samovar*. Их употребительность в английском языке зависит от степени знакомства с русской культурой, что, в свою очередь, обусловлено такими экстралингвистическими факторами,

как популярность данной тематики, развитие межкультурных связей и т.д.

Однако зачастую калькированные выражения носят окказиональный характер и отличаются необычной формой выражения, так как они могут нарушать языковую норму и узус английской речи. Например, *to have eaten forty pounds of salt together* (русск.: „съесть пуд соли”), *Potyomkin village* (русск.: „потёмкинская деревня”). Употребление таких выражений ограничено и требует соответствующих пояснений, необходимых для экспликации их объёма информации в самом контексте или пояснениях. В противном случае они становятся буквализмами в переводе, непонятными носителям другой культуры. Следовательно, в данном случае калька представляет собой не только языковое явление, но и культурный факт, обусловленный социальной и культурной значимостью денотата.

Следует отметить, что наряду с такой внешней связью существует ещё глубокая внутренняя связь калькирования с культурой, культурная обусловленность семантического плана кальки. В процессе калькирования воспроизводится основное значение слова или первоначальная функция слова. Сущность же калькирования состоит в том, что созданному таким путём слову или словосочетанию придаётся вторичное, переносное значение или „вторичная семантическая функция” (Курилович 1955: 73), свойственная калькируемому иноязычию. При этом должна соблюдаться известная пропорция между основными и производными значениями иноязычия и основными производными значениями кальки. Но стройность этой пропорции может нарушаться различными семантическими напластованиями у слова-кальки (иными переносными значениями, ассоциациями, являющимися результатами языковой практики) (Микулина 1978: 61).

В этом случае, если подобные напластования, уже имеющиеся в слове-калке, не соответствуют вторичной семантической функции иноязычия, калькирование нельзя назвать удачным. Например, перевод русск. „орёл” в значении „гордый, храбрый человек”, слова с положительной окраской, при помощи английской кальки *eagle* едва ли можно назвать удачным, тем более, если контекст семантически не поясняет это значение, ибо англ. *eagle* не имеет

сходных переносных значений, соответствующих русскому оригиналу. Английскую кальку *to work like donkeys* (русск.: „работать как ишак”) тоже вряд ли можно назвать удачной, так как англ. *donkey* (как и его синоним *ass*) чаще всего обладает отрицательными коннотациями, означающими „глупый, упрямый” (о человеке).

Наряду с передачей переносных значений, при калькировании можно ещё говорить и о воспроизведении того объёма информации, который стоит за калькированным выражением, особенно в случаях, когда речь идёт о незнакомых или малознакомых денотатах.

Так, например, англ. *People's Court* (русск.: „Народный суд”) и англ. *People's Theatre* (русск.: „Народный театр”) имеют общий элемент (*People's*), который у английских калек может создать ошибочное впечатление о наличии у них одинаковых „вторичных” значений, одинакового объёма информации. Однако в русском языке они будут различаться хотя бы по отсутствию/наличию семы „профессиональный/любительский”. Очевидно, что при подобном однотипном калькировании без поясняющего контекста или комментария, раскрывающих объём информации слов, нельзя достигнуть правильного воспроизведения этих калек носителем английского языка.

Вопрос о переносе „вторичной семантической функции” очень сложный; он теснейшим образом связан с культурой соответствующих языков, что налагает на переводчика ещё и дополнительные требования по знанию культурных особенностей.

Особую опасность представляет наличие в языке слов и словосочетаний, совпадающих с кальками. При отсутствии соответствующих пояснений кальке будет предписываться иная семантическая функция и иной объём информации, не свойственный русскому оригиналу. Например, русск.: *общественная жизнь*, переведенная как *social life* представляется английским информантам, как всякое общение с людьми, включая посещение платных курсов, театров и ресторанов.

Совершенно очевидно, что переводчик не может не учитывать подобных расхождений как в объёме информации, так и в семантических ассоциациях, сопровождающих слова и выражения и обусловленных в первую очередь

различиями двух культур. При наличии насыщенного контекста „вторичная семантическая функция слова” и частично объём информации калькируемого объекта могут вскрываться и поясняться самим контекстом. Семантически бедный контекст, отсутствие необходимой информации у носителей английского языка, а также значительная функциональная нагруженность слова-кальки в тексте требуют дополнительных пояснений, что далеко не всегда осуществляется в русско-английских переводах.

ЛИТЕРАТУРА

- Комиссаров, В.Н.
1980 *Лингвистика перевода*, М. 1980.
- Ладо, Р.
1989 *Лингвистика поверх границ культур*, „Новое в зарубежной лингвистике”, М. 1989: XXV.
- Микулина, Л.Т.
1978 *Заметки о калькировании с русского языка на английский*, „Тетради переводчика”, М. 1978: XV.
- Муравьёв, В.Л.
1971 *О языковых лакунах*, „Иностранные языки в высшей школе”, 1971: I.
- Casagrande, J.V.
1954 *The Ends of Translation*, IJAL, 1954: XX(4).
- Hoijer, H.
1953 *The relation of language to culture*, in: *Anthropology today*, ed.: A.L.Kroeber, Chicago Univ. Press, Chicago 1953.

Nida, E.
1945

Linguistics and Ethnology in Translation Problems,
“Word”, 1945: I (2).

Weisgerber, L.
1955

*Das Dolmetschen und die sprachliche Verwandlung
der Welt*, “Babel”, 1955: I (1).

ABSTRACT

The report deals with the problem of the translation of realia and phraseological units taking into account the dependence of the pragmatic aspect of the utterance on the culture. It considers the possibilities of finding an adequate version of the translation that may be supplied with comments in order to make the original text understandable to English readers.